

О СИМВОЛИКЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ КОТЛОВ В КУЛЬТУРЕ КОЧЕВНИКОВ

© 2017

Джумабекова Гульнара Саиновна, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела первобытной археологии
Базарбаева Галия Аппазовна, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела первобытной археологии

Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье кратко прослеживается символическая роль металлического котла от эпохи ранних кочевников. На примере анализа памятников ранних кочевников можно сделать вывод, что металлические котлы выступают как атрибуты элиты и аристократии. Специалисты выявили связь котла (казана) с погребальным обрядом средневековых кочевников и его роль как маркера лиц высокого социального ранга. Эта зависимость прослеживается также на примере смены населения в целом, как и кочевой элиты и аристократии в регионе. К ним можно отнести район Жетысу (Юго-Восточный Казахстан), Южное Приуралье в эпоху ранних кочевников и междуречье Днепра и Волги в позднее средневековье. Погребения мужчин с котлом и другими атрибутами власти в эпоху ранних и средневековых кочевников, вероятно, свидетельствует о выполнении ими обязанностей хозяйственного и военного назначения. На примере функционального назначения котлов прослеживается преемственность культуры кочевников в использовании властной атрибутики. Заложенное еще в период становления кочевой культуры, значение металлического котла наряду с некоторыми элементами предметного комплекса (гривны и др.) как символа представителей лиц высокого ранга сохранилось на протяжении тысячелетий.

Ключевые слова: Евразия; Жетысу; культура; кочевники; ранний железный век; позднее средневековье; котел; атрибуты власти; символ; социальный ранг; элита; аристократия; вождь; погребальный обряд; курган; предметный комплекс; функциональное назначение; преемственность; пир; сакральный маркер.

О металлических котлах ранних кочевников опубликовано немало работ. В Казахстане впервые специальным изучением котлов по инициативе и под руководством А.Х. Маргулана занималась Е.Ю. Спасская. Начало этой работы датируется 1946 г. с момента начала работы Е.Ю. Спасской в секторе археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. При составлении научного отчета по сектору археологии за 1946 г. А.Х. Маргулан напишет: «Тов. Спасская, разрабатывающая тему под руководством доктора наук А.Х. Маргулана, в настоящее время закончила описание 16 котлов, хранящихся в республиканском музее КазССР и просмотрела обширную литературу, имеющую отношение к культуре кочевых племен эпохи бронзы. К концу года она окончит подборку всего материала, описание котлов, их фотографирование, обмер и производство химического анализа. После этого она закончит и теоретическое обобщение своей работы в виде монографии» [цит. по: 1, л. 112]. Однако, волею обстоятельств, Е.Ю. Спасской в научный оборот был введен не весь корпус проанализированных ею материалов. В настоящее время мы располагаем обширными сведениями о данной категории находок.

Предварительный историографический обзор имеющихся на сегодняшний день литературных данных по котлам позволяет сказать, что этот атрибут играл в жизни скотоводческих народов степной Евразии важную роль. В культуре кочевников скифской эпохи металлические котлы выступают как социальные индикаторы. Памятники, где были котлы, объединяются наличием вооружения и других престижных предметов [2–4]. Т.М. Кузнецовой удалось выявить соответствие между параметрами котлов и числом курганов в могильнике, между числом кур-

ганных групп и числом котлов в доминирующем кургане, соответствие величины скифского социума и величины объединяющего этот социум котла. Часто курганы, содержащие в составе предметного комплекса котлы, являются доминирующими в могильнике [2, с. 185]. Котлы – не только символы социума, но сакральные предметы скифов, присутствующие в курганах, где были погребены представители самого высокого ранга.

Котел как один из символов власти связан с другими статусными предметами и с личностью вождя. Сильная личность в лице вождя, лидера должна была подтверждать свой статус. В числе таких действий были зрелищный поединок, роскошный престижный пир с распределением добычи. Пир был призван объединять группу людей вокруг лидера [5]. Эти пиршества, трапезы с участием мужчин-воинов имели сакральный характер, и война и пир приобретали сакральный характер [6, с. 144–145]. Это отмечает и В.А. Кисель [7]. Котел – один из тех сакральных символов, необходимых атрибутов, которые характерны для воинской кочевой среды.

Символика котла как выражение могущества, силы вождя и возглавляемого им объединения сохранялась на протяжении веков.

Обычно упоминают медный сосуд царя Арианта [8; 52; 66]. Из описания Геродота следует, что котел выступает как символ единства племени и его сакральный центр. Другой распространенный пример объединяющего сосуда – волшебный сосуд Нартамонга, подтверждающий доблесть воина [9, с. 174–181]. Здесь к особой роли ритуального напитка, объединяющей роли сосуда добавляется его роль или функция индикатора истинного героя. Ясно, что четырехугольная, большая чаша Нартов – это не чаша в строгом смысле слова. Упоминаемый у нартов сосуд

– огромный; предназначен для хмельного напитка (пиво), был единственным для всех членов общества, но в конечном итоге оказывался у того, кто совершил выдающиеся подвиги. То, что владели им общества, возможно, свидетельствует о его ценности, об его объединяющем начале [10, с. 272–273]. Этот большой сосуд синонимичен котлу или другим сосудам, известным по ритуальной практике скифов, древних тюрков и тюркоязычных традиционных обществ. Сами ежегодные пиршества, упомянутые Геродотом, говорят не только о роли военных предводителей, вождей, но и о значении пиров в древнем обществе как «важнейшего религиозного культового акта общественной и частной жизни» [11, с. 170].

В эпосе отражается связь, которая существовала между объединяющим сосудом с пьянящим напитком, общим собранием членов коллектива, военным характером общества. Традиция захоранивать котлы с их владельцами, предварительно совершая порчу предмета в связи с представлениями об ином мире, отражает статус вождя-героя при жизни и его посмертное влияние на жизнь членов социума.

Особое отношение к металлическому котлу прослеживается на протяжении веков и в культуре тюркских кочевников. В эпосе пир наделяется функциями кормления и одаривания членов дружины. В героическом эпосе выявляется и специфическое батальное значение чаши (сосуда с напитком), которая являлась аксессуаром эпического пира [12, с. 214; 12]. По мнению С.А. Плетневой [14], котел у степных кочевников являлся символом власти и единения.

Символика котла в жизни кочевников прослеживается и на других примерах. Так, территория Семиречья/Жетысу выделяется на фоне круга родственных культур раннего железного века по концентрации курганов ранних кочевников, особенно так называемых «царских», средоточии случайных находок котлов, курильниц, жертвенных столиков, имеющих, несомненно, не только бытовой, но и культовый характер и др.

Возможно, что предполагаемые святилища и культовые места, как и «царские» курганы, маркируют Жетысу как политический, административный и религиозный центр раннегосударственного образования саков. Можно предположить, что после того, как раннекочевнические племена во II в. до н.э. были вынуждены покинуть Жетысу под давлением племен, предположительно, юечжей и усуней, то святилища, фиксируемые в виде скопления металлической утвари, очевидно, были оставлены на местах [15; 16, с. 13–17]. Смена правящего рода и частично населения, обслуживающего святилища, привела к их затуханию. Такая ситуация характерна для других регионов: исследователи отмечают, что наибольшее количество металлической посуды отмечено на Нижнем Дону и в междуречье Дона–Волги, где сосредоточены очень богатые сарматские могилы; отсутствие в Южном Приуралье котлов и др. металлических сосудов, как и малое количество среднесарматских захоронений, сопровождается отсутствием богатых могил. Население Южного Приуралья в результате миграции на запад и юго-восток или изменения кли-

матических условий значительно уменьшается [17, с. 177, 182; 18].

Рассматривая условия находок казанов в погребальных комплексах средневековых кочевников, М.Л. Шевцову удалось выявить взаимосвязь казанов с погребальным обрядом. Интересно, что с татаро-монгольским нашествием связывается гибель половецкой аристократии, увод ее в ставки монголов. Помимо исчезновения обычая установки каменных изваяний, также не фиксируется обычай помещать казаны в захоронения. Здесь мы видим некоторую параллель с кратковременным функционированием святилищ и одновременным прекращением их в Жетысу. Мы солидарны с автором публикации в том, что котлы в погребениях представляют одну из частей погребального ритуала. Котел (казан) в погребениях богатого и влиятельного воина выступал как признак кормильца и главы рода, племени. Казаны, как и боевые наборные пояса, – атрибуты родовой и племенной аристократии [19].

С этим заключением соотносится вывод о статусных половецких погребениях. Так, в женских погребениях в разряд статусных предметов входят гривна и котел. Они принадлежали взрослым женщинам, которые, вероятно, какое-то время возглавляли социальную ячейку или являлись женами (вдовами) глав родовых объединений. Важно, что женские дружины в тюркском эпосе выполняют только воинские функции.

Мужские погребения со статусными предметами также включают либо один статусный предмет (котел или распрямленная гривна), либо два.

Сопроводительный инвентарь мужских комплексов второй группы включает предметы наступательного и оборонительного вооружения, бытовые изделия, украшения, конскую упряжь, амулеты и др. В целом, погребения с одним статусным предметом имеют условную иерархию: 1) погребения с котлом, 2) погребения с шейной гривной, 3) захоронения с распрямленной гривной [20, с. 22]

В целом погребения с котлом могли принадлежать родоплеменным вождям, главам семейств, которые осуществляли хозяйственные и политические функции, а возможно, сакральные. Погребения мужчин с котлом и гривной принадлежали родоплеменным вождям, в обязанности которых входили хозяйственные, политические, военные функции. Котел и гривны выполняли в этом случае роль маркеров представителей знати [20].

Такая же тенденция выявлена на примере погребальных комплексов Степного Предкавказья XI–XIV вв.: наличие котла демонстрировало высокое социальное положение его владельца. Автор воспринимает котел как символ принадлежности погребенного к представителям родовой и племенной аристократии, в том числе, возможно, и к главам кочевнических коллективов [21, с. 286]. Остатки жертвенной пищи, отмеченные в ряде закопченных котлов погребальных комплексов, также, возможно, указывают на их ритуальную роль [21].

В погребальных памятниках скифов бронзовые котлы содержали мясо жертвенных животных. Они, как правило, входили в предметный комплекс пред-

ставителей элиты, аристократии, знатных воинов. Обычно котлы в скифских погребениях стояли на ножке, с костями жертвенных животных внутри, в комплекте с черпаками, амфорами, глиняными сосудами и др. В «царских» захоронениях отмечено по два-три котла, которые помещали в хозяйственные камеры или ниши. Погребенные воины были снабжены полным комплектом наступательного и защитного вооружения, а также бронзовым котлом с костями барана и др., по мнению исследователей, они занимали какое-то особое положение в обществе. Захоронения с наличием металлических котлов относятся к разряду «царских», аристократических погребений, а также «привилегированных дружинников», сопровождающих «царей».

Металлические котлы в ареале раннесарматской культуры выявляются как в курганах, так и при случайных обстоятельствах. В могилах они найдены под насыпью кургана на уровне древней поверхности; в специальном углублении; в могиле у изголовья или на некотором расстоянии от скелета; на ножке, резе вверх дном. Фиксируются следы коפותи на стенках котла, кострища, зола на месте находок. Курганы занимают командные высотные отметки на местности, в могиле фиксируется большой набор вооружения. Инвентарь, сопутствующий котлам, представлен предметами вооружения, резе – каменными жертвенниками, бронзовыми зеркалами и др. Обстоятельства, при которых находят металлические котлы, говорят о том, что они могли предназначаться для снабжения умершего посмертной пищей; о том, что какие-то из них использовались при совершении погребально-поминального обряда (зола, уголь, копать).

На примере функционального назначения котлов прослеживается преэминентность культуры кочевников в использовании властной атрибутики. Заложено еще в период становления культуры населения, практиковавшего подвижный образ жизни, значение металлического котла наряду с некоторыми элементами предметного комплекса (гривны и др.) как символа представителей высокого социального ранга сохранилось на протяжении тысячелетий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Отчет о работе Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. За время с 1-го января по 31-е декабря 1946 г. В: Отчеты о научно-исследовательской работе учреждений Академии наук КазССР за 1946 г. Т. 2 // Научный архив «Гылым ордасы», ф. 2, оп. 1, д. 36, 176 л.
2. Кузнецова Т.М. Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // Проблемы современной археологии: сборник памяти В.А. Башилова / МИАР. № 10. М.: Таус. 2008. С. 173–198.
3. Мошкова М.Г., Демиденко С.В. Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: мат-лы и исследования по археологии юга России. Вып. III: сб. статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 254–261.
4. Мышкин В.Н. Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского регио-

на в VI–V вв. до н.э. (к проблеме формирования прорховской культуры) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: мат-лы и исследования по археологии юга России. Вып. III: сб. статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 318–345.

5. Метцнер-Небельзик К. Европейская символика власти эпохи бронзы // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до новой эры. Каталог выставки. СПб.: Изд-во «Чистый лист», 2013. С. 206–217.
6. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. 384 с.
7. Кисель В.А. Мир кочевников Евразии на фоне сакральных растений // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 229–235.
8. Геродот. История в 9 кн. Перевод и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. Кн. IV. 600 с.
9. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М.: Наука, 1990. 229 с.
10. Нарты. Осетинский героический эпос в трех книгах. М.: Наука, 1989. Кн. 2. 492 с.
11. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 276 с.
12. Ермоленко Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. Томск: Изд-во ТомГПУ, 2008. 288 с.
13. Липец Р.С. Проблема взаимосвязи тюркско-монгольского эпоса с изобразительным искусством кочевников Евразии (Труды советских археологов 40–50-х гг.) // Очерки русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1982. Вып. IX. С. 186–208.
14. Плетнева А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 188 с.
15. Зуев Ю.А. К этнической истории усуней // ТИИАЭ АН КазССР, 1960. Т. 8. С. 5–25.
16. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 332 с.
17. Мошкова М.Г. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 177–191.
18. Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В. Связи ранних кочевников Южного Приуралья с соседями в IV–III вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир (тез. докл. V археол. семинара). Новочеркасск, 1996. С. 7–8.
19. Швецов М.Л. Котлы из погребений средневековых кочевников // Советская археология. 1980. № 2. С. 192–202.
20. Потемкина Т.М. Иерархия половецкой знати (по погребениям со статусными предметами) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10 (Половецкое время). Донецк: ДонНУ, 2012. С. 7–36.
21. Чхаидзе В.Н. Котлы из погребений кочевников Степного Предкавказья XI–XIV вв. // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 280–291.

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК проект № 2987/ГФ4 «Древние котлы казахской степи: анализ одной категории предмета во времени и пространстве».

SYMBOLIC OF METAL CALDRONS IN THE NOMAD CULTURE

© 2017

Jumabekova Gulnara Sainovna, candidate of historical sciences, leading researcher of Prehistoric Department
Bazarbayeva Galiya Appazovna, candidate of historical sciences, leading researcher of Prehistoric Department
A.Kh. Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Abstract. The paper briefly traces the symbolic role of the metal caldrons from the Early Iron Age. This category of items can be considered as attributes of the elite and aristocracy. Experts identified the connection of the caldron (kazan) with the funeral rite in the Middle Ages, traced its role as a marker of high social rank people. This dependence is also traced on the example of population change as a whole. These include the Jetysu district (South-Eastern Kazakhstan), the Southern Urals in the era of the early nomads, and the interfluvium of the Dnieper and Volga in the late Middle Ages. Burials of men with a cauldron and other attributes of power in the era of the early and medieval nomads, probably indicates the fulfillment of their economic and military duties. The example of the functional purpose of boilers states the succession of the nomadic culture in the use of the power attributes. The value of the metal boiler along with some elements of the object complex (hryvnia, etc.), laid down even in the period of nomad culture development as a symbol of representatives of high rank people, preserved for thousands of years.

Keywords: Eurasia; Jetysu; culture; nomads; early Iron Age; later Middle Ages; cauldron; attributes of power; symbol; social rank; elite; aristocracy; leader; funeral rite; mound; object complex; functional purpose; continuity; feast; sacral marker.

УДК 904 (574.26) (638.3)

НОВОЕ ИЗВАЯНИЕ ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ИЗ ТУРГАЯ

© 2017

Базарбаева Галия Аппазовна, кандидат исторических наук,
 ведущий научный сотрудник отдела первобытной археологии
Джумабекова Гульнара Сайновна, кандидат исторических наук,
 ведущий научный сотрудник отдела первобытной археологии
Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот данные о каменном изваянии эпохи ранних кочевников из Тургая. Данный регион является западным крылом Сарыяки – территории, в историко-культурном отношении занимающей пределы от Шынгыстау на востоке, до Улытау – на западе. Экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана в полевых сезонах 2015–2016 гг. под руководством авторов в окрестностях п. Ашутасты исследовались памятники тасмолинской культуры. В 2016 г. в ходе раскопок было выявлено изваяние раннего железного века. Находка представляет собой довольно редкий случай местонахождения изваяния в комплексе кургана с каменными грядами. Полевые исследования конструкции с изваянием показали не случайный характер его местонахождения в начале гряды. Лаконичность в передаче антропоморфного образа находит параллели в изваяниях эпохи ранних кочевников Центрального Казахстана. По своему назначению и изобразительным приемам изваяния из Сарыярки сходны с изваяниями Северного Причерноморья. Предполагается, что аспект воинской славы, прослеживаемый в средневековых изваяниях, зародился в эпоху ранних кочевников, о чем свидетельствуют находки стел, каменных изваяний.

Ключевые слова: Тургай; Центральный Казахстан; ранний железный век; тасмолинская культура; средневековье; кочевники; изваяние; курганы с каменными грядами; раскопки; комплекс; ограда; конструктивный элемент; погребальный обряд; телесные атрибуты; стела; антропоморфное изображение; признаки.

В статье в научный оборот вводятся данные об изваянии из могильника Ашутасты-2 (Аркалыкский р-н, Костанайская обл.) из Тургая. Данный регион является западным крылом Сарыярки [1]. В составе могильника находится курган с каменными грядами. Каменное изваяние было выявлено в каменной ограде, представляющей собой начало южной гряды. Этот конструктивный элемент исследовался раскопками в 2016 г. Курган с «усами» (№ 3) – наиболее крупный в могильнике, с юго-восточной стороны основного кургана расположен курган-спутник, от которого в восточном направлении тянутся две каменные гряды. Размеры спутника: диаметр 8×10 м, высота около 20 см.

Длина северного «уса» – 110 м; южного – 163 м. Гряды имеют на своих концах конструкции в виде небольших уплощенных оплывших насыпей или ка-

менных конструкций. Начало южного «уса» и есть оградка с изваянием. Южный «ус» находится на расстоянии 11 м от кургана-спутника. Расстояние между началом «усов» – 24,6 м; расстояние между окончаниями «усов» – 110 м (расстояние между центрами конструкций).

Изваяние находилось в начале южной гряды, зафиксировано в лежащем состоянии по линии СВ–ЮЗ в слое дерна, лицевой частью вверх, головой на СВ. Параметры изваяния: 84×14×26 см.

В ходе исследования выяснилось, что конструкция, где первоначально находилось изваяние, представляет собой подквадратную в плане ограду, ориентированную углами по странам света. Внутреннее пространство ограды имеет ровные стенки и определяется вертикально стоящими блоками и стеловидными камнями. Часть стенок сложена из горизон-